

DOI: 10.15393/j9.art.2020.8262

УДК 821.161.1

Р. Джулиани*Римский университет Ла Сапиенца**(Рим, Италия)*

gjulianir@tiscali.it

О пользе русской литературы за пределами России

Аннотация. В статье анализируются элементы превосходства, уникальности и специфики русской литературы, которые делают ее драгоценной в глазах западного читателя, помогая ему лучше понять Россию и расширить его духовное измерение. Их много, не перечисляя всех, хочу напоминать о том, что русская литература стала тем локусом, в котором сливалась в единый поток энергия общественной, гуманитарной, политической и философской мысли; к тому же русская литература открывает ментальность русского народа, предлагающую западному читателю другой взгляд на мир. И еще: русская литература своими культурными «взрывами» и писатели, которые воплощают в своем творчестве эти фазы культурного взрыва, иннервируют европейские литературы, питая и формируя целые поколения читателей и писателей. Уникальным оказалось постоянное внимание русской литературы к великим вопросам человеческого бытия, «проклятым вопросам». Но русская литература имеет дополнительную ценность, начиная с того момента, когда ее героем становится душа. Именно душа, этот главный герой русской литературы, объединяет русских писателей в уникальном и неповторимом сообществе, а их читателей и почитателей — в сообществе растроганном и благодарном. В конечном итоге прав был Достоевский — возможно, самый любимый Западом русский писатель, утверждавший в своей речи о Пушкине, что «способность всемирной отзывчивости» — «главнейшая способность нашей национальности».

Ключевые слова: русская литература, «всемирная отзывчивость», панегирик, причины любви, западный читатель

Об авторе: Джулиани Рита — PhD, профессор русского языка и литературы, Римский университет Ла Сапиенца; главный редактор журнала «*Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*» (via Massaua, 9, Рим, Италия, 00162)

Дата поступления: 12.01.2020

Дата публикации: 07.07.2020

Для цитирования: Джулиани Рита. О пользе русской литературы за пределами России // Проблемы исторической поэтики. — 2020. — Т. 18. — № 3. — С. 290–300. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8262

© Р. Джулиани, 2020

Известный поэт и крупный итальянский славист Анджело Мария Рипеллино (Angelo Maria Ripellino, 1923–1978), мой Учитель (с большой буквы), в одном стихотворении цикла «Осеннее барокко» (*Autunnale barocco*, 1977) назвал поэзию «винной гущей, которую никто не хочет пить» («questa feccia di vino che nessuno vuol bere») [Ripellino, 1990: 209].

Он был прав: людей, интересующихся поэзией, литературой и чтением, становится все меньше — эта тенденция знаменует не прогресс, а регресс по биологической и культурной шкале: регресс по биологической шкале потому, что мозг — это мускул, и как любой мускул мозг нуждается в постоянной тренировке; чем меньше он используется, тем больше он слабеет и атрофируется. Регресс по культурной шкале потому, что без исторической памяти человек нищает и теряет самоидентичность.

Мы рискуем оказаться на пути к новому каменному веку: связанные Интернетом, со смартфонами в руках, но в пещере, все изъясняются междометиями.

Для тех, кто не читал рассказа Евгения Замятина «Пещера» (опубл. 1922)¹, это слово не вызовет ассоциаций с северной ледяной пустыней, холодной квартирой-пещерой, освещенной только богом-печкой, с двумя полумертвыми обитателями этой пещеры.

Друг и коллега Замятина, Михаил Булгаков, тоже высказался по поводу культурного регресса, признаки которого он видел в молодом советском государстве. Он сделал это в своей повести «Собачье сердце» (1925) и в менее известном рассказе «Ханский огонь» (1924), в котором символом культурного регресса становится «голый», «новый человек», порождение революции, с покрытой сыпью голой спиной и обряженный только в коротенькие штанишки: в таком виде он осматривает старинное аристократическое имение, превращенное в музей² (прототип — имение князей Юсуповых Архангельское; см.: [Яновская: 753]).

Дело в том, что литература — это драгоценный и незаменимый инструмент исторического сознания: в последние годы профессиональные историки, можно сказать, заново открыли литературу как неоценимый источник сведений о жизни общества прошедших эпох. Возьмем романы Л. Н. Толстого

«Анна Каренина» и «Война и мир». Сколько можно почерпнуть из них сведений о нравах эпохи, о светских условностях, о балах, о домашнем хозяйстве, о меню ресторанов, о железнодорожных станциях и даже о том, как рожали детей женщины в те времена! Роман Пушкина «Евгений Онегин» и поэма Гоголя «Мертвые души» были названы «энциклопедиями русской жизни», но подлинной, неисчерпаемой, подробной энциклопедией русской жизни является русская литература в целом.

Да позволено будет мне сложить панегирик русской литературе под названием «О пользе русской литературы за пределами России», полусерьезно восходящий к идеологическому манифесту русского литературного языка, известному тексту М. Ломоносова, озаглавленному «Предисловие о пользе книг церковных в российском языке» (1758 г.)³.

Зададимся вопросами: каково предназначение литературного шедевра? кто есть гений на литературном поприще? Американский критик Гарольд Блум (Harold Bloom) ответил на них так: литературный гений — это тот, кто своим творчеством способствует обогащению самосознания читателя, позволяет человеку лучше понять себя [Bloom: 32–34]. Вся великая русская литература подтверждает справедливость этого тезиса. Великая литература, в нашем случае русская, — это зеркало, которое не только отражает и пересоздает жизнь в трех измерениях, то есть в ее протяженности во времени, глубине смыслов и возвышенности идей; литература еще и создает четвертое измерение, критерием которого становится тот отклик, который она рождает в сознании читателя.

Этот панегирик позволит дать ответ на вопрос: «Полезно ли читать и изучать русскую литературу?». Начнем с самого эмпирического уровня.

1. Русская литература стала тем локусом, в котором на протяжении трех веков сливалась в единый поток энергия общественной, гуманитарной, политической и философской мысли (см.: [Есаулов, 2012]), не имеющей другой возможности выражения, поскольку она была подавлена авторитарно-полицейской системой и вечно бдительной и ревностной цензурой, которые преследовали свободу слова и обмен мнениями.

Эти специфические исторические условия стали причиной невероятного богатства русской словесности, которая, кажется, сплетена из своего рода zipованных файлов, готовых разархивироваться в сознании читателя: на поверхности — тексты, подобные любому другому, но в сущности — кроме того, что это произведения высокого искусства, — плотно сжатые архивированные файлы: концентрат мысли, полемической энергии, утопических мечтаний, великих вопросов бытия и многого другого.

2. Русская литература открывает ментальность русского народа, предлагающую западному читателю другой взгляд на мир. В ней очевидны множественные выражения отношения к другим нациям: восхищение немцами сопровождается чувством отчужденности, галломании сопутствует ироническое отношение к французам, сложно относятся русские к евреям и так далее. Очевидно, наконец, как в русской литературе создается и разворачивается многоаспектный образ Италии, в основном — с огромной любовью, окруженный почти мифопоэтическим ореолом («Италия золотая», «родина души»), — но временами, правда редко, к нему примешивается терпкая нота разочарования: «Италия, ты сердцу солгала!», — как написал Афанасий Фет в стихотворении «Италия» (около 1857 г.)⁴.

3. Русская литература помогает понять Россию — этого огромного «Другого», столь привлекательного для западного человека. Знаменитое стихотворение-афоризм Федора Тютчева «Умом Россию не понять» (1866) кажется несколько превеличенным нам, закоренелым западным рационалистам, убежденным в том, что и Россию можно понять, используя такой мощный и эффективный познавательный инструмент, каким является русская литература. И если начнешь понимать Россию, неизбежно полюбишь ее. «Нужно любить Россию», — как призывал Гоголь.

4. У русской литературы был свой особенный путь: она не только была подавлена, «зазипована», как уже было сказано, она имела взрывной характер, описанный Юрием Лотманом. По мнению ученого, русская культура эволюционирует в чередующихся фазах застоя и взрыва, и литература — это преимущественный и фундаментальный элемент подобных

взрывов [Лотман]. Вспомним о «взрывах» русской литературы эпохи романтизма, давшей миру Пушкина, Гоголя, Лермонтова, об эпохе великих романистов второй половины XIX в. — Тургенева, Толстого, Достоевского, наконец, о русском авангарде рубежа XIX–XX вв.

5. Начиная со второй половины XIX в. русская литература своими эксплозивными явлениями (и русские писатели, которые по преимуществу воплощают в своем творчестве эти фазы культурного взрыва) иннервирует европейские литературы, питая и формируя целые поколения читателей и писателей (см.: [Colloquio italo-sovietico]). Вспомним, например, о мировом успехе книги французского историка литературы Эжэн-Мельхиора де Вогюэ «Русский роман» (*Le roman russe*, 1886), в которой высоко оценивалась и пропагандировалась русская литература, в частности — Тургенев и Толстой (см.: [Cadot]). Сколько людей на Западе было воспитано на произведениях Гоголя, Достоевского и Толстого, если вспоминать только великих классиков русской литературы! Кто из людей моего поколения не назовет Толстого и Достоевского среди любимых авторов своей юности? И даже среди столпов, на которых зиждется наша человеческая и интеллектуальная суть?

6. Положение писателя в России всегда было иным, нежели в европейских странах: в нем было больше благородства, больше ответственности за общество. И это сделало русскую литературу великой: ее создавали, по словам Е. Замятина, «не исполнительные и благонадежные чиновники», способные создавать литературу только «бумажную, газетную, которую читают сегодня и в которую завтра завертывают глиняное мыло», но «безумцы, отшельники, еретики, мечтатели, бунтари, скептики»⁵.

К этому перечню следует добавить еще одну категорию: это мученики, которые заплатили за свое высокое литературное призвание и стремление поднять свой голос свободой, впадением в немилость и часто — даже самой жизнью. Эти мученики оставили нам в наследство тексты, в которых громко звучит их свободный голос и живет память об их мученичестве. Достаточно вспомнить Радищева, Чаадаева, Ростопчину, Чернышевского, Достоевского, Мандельштама, Синявского,

Солженицына, Евгению Гинзбург, Шаламова и многих других их собратьев по перу, мужеству и несчастью.

Ответы на вопрос, полезно ли читать и изучать русскую литературу, привели нас в область возвышенного.

1. Еще один великолепный мотив, подтверждающий пользу русской литературы, — это ее непреходящая вера в человека. Даже нигилист Базаров, герой романа Тургенева «Отцы и дети», был убежден в исконной доброте человека: хотя буквально такого афоризма нет в тексте романа, тем не менее герой верил в то, что «человек хорош, обстоятельства плохи». Даже от низменных и презренных персонажей русской литературы, таких, как подпольный человек Достоевского, исходит слабое мерцание человечности, в них тоже есть семя возможного искупления греха — залог возможности спасения. Великая русская литература всегда питала близкие к утопии стремления и надежды: спасти русского человека, спасти человека вообще. Она исповедовала то, что Виктор Ерофеев в своей антологии «Русские цветы зла» назвал «философией надежды»: «...при всем богатстве русской литературы, с ее уникальными психологическими портретами, стилистическим многообразием, религиозными поисками, ее общее мировоззренческое кредо в основном сводилось к *философии надежды*, выражению оптимистической веры в возможность перемен, призванных обеспечить человеку достойное существование»⁶. Эта надежда не чужда и нам.

2. По крайней мере до второй половины XX в. русская литература демонстрировала еще одно свойство, которое делает ее уникальной культурной драгоценностью: постоянное внимание к великим вопросам человеческого бытия, так называемым «проклятым вопросам». Всматриваясь в быт, она гораздо больше имеет в виду бытие. Она внимательна к метафизическому измерению жизни, к тому духовному миру, который является нашей средой обитания, к Добру и Злу. Тот факт, что русская литература сравнительно поздно вошла в мировую литературу Нового времени, как мне кажется, предопределил то, что она принесла с собой некоторые элементы средневекового мировоззрения, полагающего имманентным присутствие человека, Бога

и дьявола в повседневной жизни — и, следовательно, в повествовании об этой жизни. Только русский — такой, как Михаил Булгаков, — мог написать в разгар XX в. роман «Мастер и Маргарита» (1928–1940), в котором Христос и Сатана в качестве персонажей соседствуют с «душевнобольным», а женщина, движимая любовью и отчаянием, готова сделать себя ведьмой.

Великие писатели и критики Запада со своим взглядом на русскую литературу извне пронизательно отметили такие ее свойства, которые делают ее не только объектом пристального интереса, но и предметом особенной любви.

3. Это прежде всего единственность русской литературы, ее уникальная своеобычность, которая заражает любого, кто начинает ее читать (и / или изучать). Как заметил в 1968 г. Анджело Мария Рипеллино в предисловии к книге «Литература как введение в чудо» (*Letteratura come itinerario nel meraviglioso*): «Но эта самая русская литература со своими грозowymi вершинами, со своими постоянными пари на последнее достояние человека, со своей склонностью претворять любовь в костер и ураган, со своей безжалостной арифметикой, со своим отречением от маленькой личной Аркадии и со своей приверженностью к любому измученному и перепуганному созданию — эта литература препятствует своему исследователю погрязнуть в холодном анализе и бездушной виртуозности» [Ripellino, 1968: 9–10]. И он добавил: «Как может критик не разделить упрямой неприязни русской литературы к полумерам, к пошлости и филистерству?» [Ripellino, 1968: 10].

Итальянский писатель и переводчик Томмазо Ландольфи (Tommaso Landolfi, 1908–1979) также подчеркивал уникальность русской литературы. В своем «Предисловии» к антологии «Русские прозаики» (*Narratori russi*, 1948) он перечислил те свойства русской литературы, которые сделали ее не только единственной в своем роде и совершенно своеобразной, но в некотором смысле и образцовой — это, по мнению переводчика, «абсолютная и беспощадная (почти бесстыдная, даже порочная) искренность» и одушевляющее ее глубокое религиозное чувство. «Очевидность исключительного здесь — следствие универсальности, и даже там, где повествовательная

техника может показаться фотографическим воспроизведением, ее поддерживает светоносное чувство, которое, в сути своей, есть не что иное, как дуновение метафизического, высшая надежда и высшее оправдание каждого великого писателя» [Landolfi: 19].

4. Наконец, русская литература имеет дополнительную ценность, начиная с того момента, когда ее героем становится душа, как заметила в 1925 г. в своем эссе «Русская точка зрения» (*The Russian Point of View*) Вирджиния Вульф, гениальный критик-дилетант:

«It is the soul that is the chief character in Russian fiction. Delicate and subtle in Tchekov, subject to an infinite number of humours and distempers, it is of greater depth and volume in Dostoevsky; it is liable to violent diseases and raging fevers, but still the predominant concern»¹ [Woolf: 73].

Именно душа, этот главный герой русской литературы, объединяет русских писателей в уникальном и неповторимом сообществе, а их читателей и почитателей — в сообществе растроганном и благодарном.

И в заключение: как же прав был Достоевский — возможно, самый любимый Западом русский писатель, утверждавший в своей речи о Пушкине, что «способность всемирной отзывчивости» — «главнейшая способность нашей национальности»⁷.

Вот самые главные причины, по которым оказывается полезным читать и изучать русскую литературу и, следовательно, ее любить.

Перевод с итальянского О. Б. Лебедевой

¹ «Действительно, именно душа — главное действующее лицо русской литературы. Тонкая и нежная, подверженная уйме причуд и недомоганий у Чехова, она достигает гораздо большей глубины и размаха у Достоевского; склонная к жесточайшим болезням и сильнейшим лихорадкам, она остается основным предметом внимания» (перевод мой. — Р. Дж.).

Примечания

- ¹ Замятин Е. Пещера // Замятин Е. Избранные произведения. М.: Советский писатель, 1989. С. 372–380.
- ² Булгаков М. А. Ханский огонь // Булгаков М. А. Собр. соч.: в 5 т. М.: Худож. лит., 1989. Т. 2. С. 383–399.
- ³ Ломоносов М. Предисловие о пользе книг церковных в российском языке // Ломоносов М. Избранная проза / сост., вступ. ст. и коммент. В. А. Дмитриева. М.: Советская Россия, 1980. С. 394–399.
- ⁴ Фет А. А. Полн. собр. стихотворений / вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. Я. Бухштаба. Л.: Советский писатель, 1959. С. 90.
- ⁵ Замятин Е. Я боюсь [1921] // Замятин Е. Я боюсь. Литературная критика. Публицистика. Воспоминания. М.: Наследие, 1999. С. 52.
- ⁶ Ерофеев В. Русские цветы зла. М.: Издательский дом «Подкова», 1997. С. 8.
- ⁷ Достоевский Ф. М. Пушкин // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1984. Т. 26. С. 145.

Список литературы

1. Есаулов И. А. Русская классика: новое понимание. — СПб.: Алетейя, 2012. — 448 с.
2. Лотман Ю. М. Культура и взрыв. — М.: Гносис, Издательская группа «Прогресс», 1992. — 272 с.
3. Яновская Л. М. Комментарий к рассказу «Ханский огонь» // Булгаков М. Избранные произведения: в 2 т. — Киев: Дніпро, 1989. — Т. 1. — 768 с.
4. Bloom Harold. Il genio. Il senso dell'eccellenza attraverso le vite di cento individui non comuni. — Milano: Rizzoli, 2002. — 945 p.
5. Cadot M. Eugène-Melchior de Vogüé le héraut du roman russe. — Paris: Institut d'études slaves, 1989. — 120 p.
6. Colloquio italo-sovietico. Il romanzo russo nel secolo XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa occidentale (Roma, 17–19 maggio 1976). — Roma: Accademia Nazionale dei Lincei, 1978. — 228 p.
7. Landolfi Tommaso. Introduzione a «Narratori russi» // Landolfi Tommaso. I Russi. — Milano: Adelphi, 2015. — Pp. 15–28.
8. Ripellino Angelo Maria. Letteratura come itinerario nel meraviglioso. — Torino: Einaudi, 1968. — 272 p.
9. Ripellino Angelo Maria. Poesie. 1952–1978. — Torino: Einaudi, 1990. — 288 p.
10. Woolf Virginia. The Russian Point of View // Woolf Virginia. The Common Reader. First Series. — London: Hogarth Press, 1925. — 100 p.

Rita Giuliani

*Università degli Studi di Roma “La Sapienza”
The Sapienza University of Rome
(Rome, Italy)*

giulianir@tiscali.it

About the Utility of Russian Literature Outside of Russia

Abstract. This article analyzes the excellence, uniqueness and specific elements of Russian literature that make it valuable in the eyes of a Western reader, helping him or her to better understand Russia and enrich his or her spiritual dimension. There are many such elements, and while I cannot touch on all of them, I would like to remind the reader of the fact that Russian literature has always been that particular point where social, humanitarian, political and philosophical thought comes together. Russian literature also sheds light on the mindset of the Russian people (narod), offering a different perspective to a Western reader. In addition, Russian literature, with its cultural ‘explosions’ (vzryvy) and the writers who embodied these explosions, greatly influenced European literature, inspiring entire generations of readers and writers. What turned out to be most unique in Russian literature was a perpetual attention to the great questions of human existence, the so-called “damned questions” (proklyatye voprosy). But Russian literature has an additional quality, starting from that moment when its hero became the human soul. It is precisely the soul, the protagonist of Russian literature, which unites Russian writers in a unique and inimitable community, and their readers and admirers — in a community moved and grateful. Ultimately, Dostoevsky — probably the most beloved Russian writer in the West — was right when he asserted in his well-known Pushkin speech, “the capacity for universal compassion (otzyvchivost’) is the most important quality of our national character”.

Keywords: ‘Pan-humanism’, Russian literature, praise, utility of reading, Western reader, reasons for loving Russian literature

About the author: *Giuliani Rita* — Doctor of Philosophy in Humanities, Professor of Russian Language and Literature, The Sapienza University of Rome; Editor-in-chief of the journal “*Russica Romana. Rivista internazionale di studi russistici*” (via Massaua 9, 00162, Roma, Italy)

Received: March 1, 2020

Date of publication: July 7, 2020

For citation: Giuliani R. About the Utility of Russian Literature Outside of Russia. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2020, vol. 18, no. 3, pp. 290–300. DOI: 10.15393/j9.art.2020.8262 (In Russ.)

References

1. Esaulov I. A. *Russkaya klassika: novoe ponimanie* [*Russian Classics: New Understanding*]. St. Petersburg, Aletyya Publ., 2012. 448 p. (In Russ.)
2. Lotman Yu. M. *Kul'tura i vzryv* [*Culture and Explosion*]. Moscow, Gnosis Publ., Progress Publ., 1992. 272 p. (In Russ.)
3. Yanovskaya L. M. Notes to the Short Story "The Khan's Fire". In: *Bulgakov M. Izbrannye proizvedeniya: v 2 tomakh* [*Bulgakov M. Selected Works: in 2 Vols*]. Kiev, Dnipro Publ., 1989, vol. 1. 768 p. (In Russ.)
4. Bloom Harold. *Il genio. Il senso dell'eccellenza attraverso le vite di cento individui non comuni* [*Genius. The Sense of Excellence Through the Lives of One Hundred Uncommon Individuals*]. Milano, Rizzoli Publ., 2002. 945 p. (In Italian)
5. Cadot M. *Eugène-Melchior de Vogüé le héraut du roman russe* [*Eugène-Melchior de Vogüé, the Herald of the Russian Novel*]. Paris, Institut d'études slaves Publ., 1989. 120 p. (In French)
6. *Colloquio italo-sovietico. Il romanzo russo nel secolo XIX e la sua influenza nelle letterature dell'Europa occidentale (Roma, 17-19 maggio 1976)* [*Italian-Soviet Colloquium. The Russian Novel in the 19th Century and Its Influence in Western European Literatures (Rome, May, 17-19, 1976)*]. Roma, Accademia Nazionale dei Lincei Publ., 1978. 228 p. (In Italian and Russ.)
7. Landolfi Tommaso. Introduzione a Narratori russi [Introduction to "Russian Novelists"]. In: *Landolfi Tommaso. I Russi* [*Landolfi Tommaso. Russians*]. Milano, Adelphi Publ., 2015, pp. 15-28 (In Italian)
8. Ripellino Angelo Maria. *Letteratura come itinerario nel meraviglioso* [*Literature as an Itinerary in the Wonderfulness*]. Torino, Einaudi Publ., 1968, 272 p. (In Italian)
9. Ripellino Angelo Maria. *Poesie. 1952-1978* [*Poems. 1952-1978*]. Torino, Einaudi Publ., 1990. 288 p. (In Italian)
10. Woolf Virginia. The Russian Point of View. In: *Woolf Virginia. The Common Reader. First Series*. London, Hogarth Press Publ., 1925. 100 p. (In English)